

с этой поэзией есть связь именно (и только) тематическая. Облик этих поэтов, однако, в общих чертах ясен.

Юнкер попал в Петербург только потому, что ему из-за недоброжелательства Кенига (ЗС, с. 178—179) не удалось стать придворным поэтом в Дрездене. Иначе он стал бы поэтом не Биронова, а Брюлева режима. Штелин приглашен Корфом как признанный в Германии специалист по оформлению придворных и официальных празднеств; успех издания «*Illuminiertes Leipzig*» (1734) был таков, что, если бы не петербургское приглашение, Штелина переманил бы двор Августа III; в Дрездене этот талантливый человек развил бы деятельность коллекционера, историка, летописца искусств и стихотворца, принципиально ту же, что в Петербурге. Литературные его взгляды допетербургского периода достаточно характеризуются тем, что он перевел «*La fida Ninfa*» Маффеи (итальянского буалоиста, старшего современника Ломоносова, неоднократно похвально упоминаемого Кенигом, Готшедом и др.).

Все эти люди приезжают в Петербург со сложившимися взглядами и сложившимися навыками социально-бытового поведения. Петербург для них — это Дрезден или Вена. Почва опасная, надо уметь лавировать, вовремя угадывать готовящееся изменение погоды, — но ведь и у Брюля их ждали бы точь-в-точь те же опасности. Это входит в профессию. Они талантливые бюргеры, специализировавшиеся в обслуживании двора; невежество в метеорологии переворотов было бы профессиональным минусом. «Кажется (пишет Штелин перед самым переворотом 1741 г.), надвигается плохая погода со снегом и градом; Левенвельде с Голвкиным выглядят как полумертвые, а у Миниха что-то сбегала с лица командирская маска». Измените имена, и у вас была бы переходящая от автора к автору цитата из Сен-Симона. А каким чудом удержался Юнкер после падения Миниха, хотя все знали, что Миних его патрон, а Юнкер присяжный поэт и историограф этого патрона? Однако умел удержаться, и коронацию Елизаветы (1742) поет тот же Юнкер: *Du nimmst den Scepter an: die Bosheit fürchte sich*⁷ (I, с. 64). Но *Bosheit* это ведь как раз те, кого Юнкер еще так недавно пел! Оду эту перевел Ломоносов. Можно вообразить, что он думал за работой.

Без всякого труда переменял свое поэтическое подданство и кенигсбергский профессор поэзии Иоганн Георг Бок. Обстоятельства Семилетней войны, отрезав Кенигсберг от армии Фридриха II, оставили Бока без короля: положение пестерпимое. «Не может статься, чтобы не было короля. Государство не может быть без короля», — тем более поэзия. Но в противоположность Поприщину, который никак не хотел, чтобы на испанский престол взошла донна, Бок совершенно удовлетворен Елизаветой. В Петербург, через Фермора, шлетя ода, поющая *die Selbstherrscherin*

⁷ «Ты принимаешь скипетр — страпнится злоба» (нем.).